

УДК 32:1

DOI 10.25688/2078-9238.2021.37.1.09

Э. А. Баграмов

Нация и национальное государство в условиях глобализации¹

Нарастающее движение финансовых потоков, деятельность ТНК (транснациональных корпораций), ускорившееся формирование единого мирового рынка товаров, услуг, капиталов, резервов рабочей силы, небывало возросшие благодаря Интернету контакты между людьми разных стран и континентов постепенно превращают человечество в целостный организм. Этот объективный процесс используется, однако, могущественными международными силами в целях утверждения своего не только финансового, но и политического господства, в связи с чем они развивают наступление на исторически сложившиеся в каждой из стран общественные и политические институты.

Объектом участившихся атак международного капитала оказались национальная государственность и нация как таковая, якобы противоречащие разрешению самим своим существованием всему комплексу возникших в наше время реальных глобальных проблем.

Авторы утверждений насчет «устарелости» суверенитета наций и государств, «анахронизма» установленных некогда национальных границ, давно уже известные как носители идей космополитизма, сегодня пытаются опереться на такие, казалось бы, объективные факторы современности, как устранение раскола мира на противоположные политические системы, прекращение (хотя и в былых формах) холодной войны. В свою очередь, все более заметным противодействием идеям безнационального человечества становится движение за возрождение и укрепление национальной идентичности. Это не только традиционный национализм, выражаемый формулой: «Это моя нация, а до других мне нет дела». Это и всевозможные обновленные формы кое-где угасшего национального сознания, носители которого спешат использовать любые атрибуты не только политического, но и религиозного, исторического порядка, чтобы не оказаться беспомощными в бушующем океане политических идеологий и страстей.

Это и небывало возросшие, благодаря использованию идеологами финансового мира новейших технологий влияния на массовое сознание миллионов людей, манипулирования ими в своих интересах. Не только факт существования

¹ Глава из коллективной монографии «Национальное государство в условиях глобализации». М.: МГПУ, 2018. 144 с.

новых национальных государств на карте земного шара в связи с распадом СССР, Югославии и Чехословакии, но и своеобразные процессы, происходящие в таких странах, как Великобритания (Брекзит, т. е. расставание с Европейским союзом), Шотландия (движение шотландцев за самостоятельность), Испания (националистическое движение басков, а в последнее время и каталонцев), Бельгия (фламандцы), Франция (корсиканцы), говорят о том, что движение к самостоятельности все чаще бросает вызов глобализации как главному, с точки зрения многих авторов, тренду современных международных процессов. Тем не менее давление на национальные государства нарастает.

«Глобализация, — отмечал немецкий социолог Ульрих Бек, — имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных актов и подчиняется их властным возможностям, их ориентации и идентичности. Это процесс, который создает транснациональные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур. На пути к глобальному мировому сообществу его адепты добивались трансформации национальных государств в транснациональные, чтобы в конечном счете утвердить всемирное государство и всемирное правительство, открывающие неограниченные возможности для капитала, которому всегда было тесно в национальных рамках». Между тем сам процесс глобализации становится все более противоречивым и сегодня приобретает колебательный характер, наталкиваясь на серьезные препятствия.

Не углубляясь в процесс глобализации, отметим некоторые его особенности в современный период.

1. Глобализация уже привела и продолжает вести к небывалой поляризации экономического положения населения мира. Установлено, что восемь богачей мира держат в своих руках состояние 3,6 млрд людей, то есть половины человечества. Это, несомненно, делает социальную сферу взрывоопасной.

2. Глобализация сегодня происходит в условиях крушения однополярного мира, что ставит под вопрос дерзкие планы установления во всемирном масштабе господства американских супермонополий.

3. Глобализация привела в движение огромные массы людей, которые передвигаются из бедных стран в богатые, минуя географические и политические преграды. В целом это — движение мигрантов с Юга на Север, последствия которого трудно предсказать.

4. Процесс глобализации достиг таких масштабов, что начал всерьез беспокоить даже часть правящих кругов западных стран.

5. Глобализация, протекающая под знаменем космополитизма, неизбежно порождает и защитную реакцию в виде национализма. Речь идет не только о росте ксенофобии и даже расизма там, где, казалось бы, давно утвердились принципы толерантности и политкорректности. Во весь рост встает проблема национализма в его здоровом проявлении — тяге к осознанию народными массами своей идентичности — этнической, национальной и даже цивилизационной.

Проблемы нации, ее настоящее и будущее, вновь приобрели актуальность, а в научном плане — новые аспекты, требующие свежего анализа. Остановимся на этой стороне вопроса, но вначале несколько слов о путях восприятия жителем той или иной страны своей идентичности. Нет ничего удивительного в том, что человек с детских лет, как говорится, с молоком матери впитывает в себя нормы и правила поведения, отношения к окружающей среде и ее обитателям, семейные обычаи, коллективные нравы и традиции, язык, религиозные воззрения, культуры — все это определяет склонности и предпочтения человека и всей общности, которую они представляют, именуемую этносом.

В определенных условиях в зависимости от исторических судеб данный этнос становится ядром формируемого государства или более или менее самостоятельной частью другой, более широкой общности такого государства. Так или иначе, человек как представитель сформировавшегося этноса входит в состав нации как социально-этнической или государственной общности, наделенный определенными нравами и обязанностями. В зависимости от характера восприятия окружающей среды, страны, ее истории более или менее успешно идет процесс формирования национальных чувств, национального сознания, рождается патриотизм. Все это — позитивный продукт деятельности людей, который наполняет их жизнь особым смыслом и приучает ценить то, что называется национальными святынями, честью и достоинством нации, родины и т. п. Но картина формирования сознания, идеологических, нравственных, эстетических, религиозных ориентаций населения той или иной страны в современном информационном мире мало похожа на нарисованный нами нормальный процесс образования и социализации, господствовавший еще полвека тому назад.

Глобализм создает охватывающую чуть ли не весь мир новую систему образования, включая идеологическую обработку. Благодаря направляемым в национальном государстве мощным средствам обработки массового сознания навязываются новые идеи, символы, новая мода и одновременно подрываются старые базовые представления.

Человек, оставаясь физически существующим материальным субъектом, «начинает сознавать себя и действовать в “виртуальном” информационном мире, мире не реальностей, но оценок и ожиданий». Удивительно ли, что люди так часто оказываются жертвами навязанных им представлений об обществе, свободных не только от устаревших традиций и стереотипов, но и таких важнейших понятий, как государство, суверенитет, нация, национальная культура. Все это якобы пережитки прошлого, а XXI век переносит нас в мир, где свобода выбора дает каждому жителю планеты шанс на процветание.

Но вернемся к информационному миру, который превращает реальные вещи и явления в виртуальные. На Западе создана мощная реклама тем течениям этносоциологии, которые отрицают реальность нации, либо лишают ее этнической самобытности и превращают нацию в продукт сугубо произвольной деятельности группы интеллектуалов. Речь идет о многих произведениях

конструктивистского и постмодернистского толка, в которых зачастую развивается исторический и материалистический подход к нации с упором на ее объективную природу.

Нации лишаются территориальных, экономических, языковых и культурно-психологических признаков и рассматриваются как результат случайного выбора неких политических сил и как «продукты субъективных убеждений и пристрастий». Например, на Западе дается явно искаженное толкование знаменитого труда социолога Б. Андерсона о нации как «воображаемом сообществе». Хотя сам автор не впадает в нигилизм, а исходит из того, что нация как «культурный артефакт» в конечном счете воспринимается как объективная данность, к стати сказать, Б. Андерсон дает вдумчивый анализ процесса нациестроительства. «...Мы должны внимательно рассмотреть, как они (нации. — Э. Б.) обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью», — пишет автор.

Отметим, что конструктивизм автора не помешал ему создать фундаментальный труд, который получил признание во многих странах, включая и некоторых отечественных исследователей. Парадоксально, но факт, что в разгар межнационального кризиса, ставшего одной из основных причин распада СССР, в отечественной этнополитологии был выдвинут тезис о необходимости пересмотра понятия нации, отказавшись от ее этнической основы, а заодно и концепции этноса, обоснованной в трудах таких российских ученых, как Гумилев, Широкогоров, Бромлей. Гносеологической предпосылкой таких нигилистических идей могла стать уже обозначившаяся в конце XX века тенденция резкого изменения этнического состава населения США, Канады, Великобритании, Германии, Франции, Австралии и других стран, которая действительно потребовала обновления в условиях глобализации былых подходов к этносу, нации, национальной идентификации. Наряду с привычным понятием нации, сформировавшегося на базе определенного этноса, возникает потребность кроме этнических наций выделять гражданские нации, объединяющие всех граждан данной страны, независимо от этнической принадлежности. Такая практика, как известно, исторически уже давно сложилась во Франции, где критерием нации еще в годы Великой французской революции стала верность провозглашенным принципам Республики. Франция как национальное государство — закономерный результат национального движения всех противников королевского деспотизма, будь то потомки галлов, считавшиеся коренными французами, бретонцы, гасконцы, эльзасцы, баски, корсиканцы. С протестами под звуки «Марсельезы» они положили начало политической нации, которая сегодня объединяет французов независимо от расы, религии и этнического происхождения. Особая ситуация сложилась в США, где нация сформировалась за счет приезжих из других стран мира. Хотя долгое время ядром нации подспудно считались «беглые протестанты англосаксонского происхождения» (WASP), в конечном счете правящим кругам пришлось отказаться

от концепции плавильного котла и принять концепцию многоэтнической, или мультикультурной нации. Сообразно этому строилось и гражданство. Традиционно в странах, считающих себя западными либеральными демократиями, критериями гражданства являлись следующие факторы: право почвы и право крови. Для первой группы стран основой для предоставления гражданства являлся факт рождения на территории данного государства (так поступают в США, Канаде, Австралии, а также во Франции). Во второй группе стран до последнего времени действовало право крови. Так, в Германии и Израиле немцами или евреями нельзя было стать, нужно было родиться. Но согласно поправкам, внесенным не так давно в законодательство Германии, облегчилось вступление в национальное сообщество и тех граждан, которые не являлись этническими немцами. Право крови по преимуществу сохраняется в Греции, Испании и Бельгии, тогда как в Великобритании и Скандинавских странах при регулировании вопросов гражданства преимущество отдается скорее праву почвы, либо речь идет о сочетании обеих моделей. Отметим, кстати, что в новой России гражданство, согласно статье Конституции Российской Федерации, является единым и равным независимо от оснований его приобретения. Укажем также на немаловажное нововведение, зафиксированное в статье 2 Основного закона: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Закрепление прав человека любой национальности и обеспечение для каждого свободы сохранения своих этнических привязанностей, языка, религиозных убеждений, осуществляемое Российским государством с первого десятилетия XXI века, позволило российскому руководству выдвинуть перед совокупностью многочисленных этносов нашей многонациональной страны (согласно переписи 2010 года их число достигло 193) перспективу дальнейшего сплочения на путях формирования и упрочения российского народа как нации наций. Сложившийся федеративный строй, на мой взгляд, в целом отвечает как общегосударственным, так и местным (республиканским, краевым, областным т. д.) потребностям и интересам. Будь то русский народ как ядро федерации или татарская, башкирская, чувашская, чеченская и другие нации и этнические общности. Речь идет об умелом использовании возможностей федерализма в общих интересах дальнейшего укрепления и единения Российского государства. На практике наряду с сохранением этнических наций идет процесс становления и развития гражданской, политической нации, охватывающей все народы России. «Понимая, что современная идентичность россиян — сложный конгломерат новой российской идентичности, ностальгической советской, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичности, фокус внимания мы сосредоточиваем на рассмотрении позитивной совместимой национально-гражданской и этнической идентичности», — пишет известный исследователь Л. М. Дробишева. При этом, согласно последним исследованиям Института социологии РАН, свыше 90 % опрошенных идентифицируют себя

гражданами России. Интересны такие факты: когда респондентов просили ответить, как они себя больше ощущают — россиянами или человеком своей национальности, последних оказалось меньше — больше россиян. Но четверть русских ощущает себя в равной степени и тем и другим, а среди татар, башкир, в республиках таких людей еще больше. Налицо формирование межнационального согласия — это безусловно. Тем не менее, согласно исследованию ИС РАН 2011 года, доля людей, испытывающих раздражение к представителям других национальностей, оказалась довольно велика — 68 %. В целом по стране 28 % присоединилось к мнению, что многонациональность скорее проблема, чем преимущество. А наиболее радикально настроенные полагают, что государственное устройство должно быть изменено. С мнением В. В. Жириновского об упразднении деления России на республики выразило согласие 42 % опрошенных. А идею «Россия для русских», по данным Левада-Центра, поддерживали в середине первого десятилетия 2000-х годов до 50–56 % населения. Этноцентризм, этнонационализм, а подчас и нескрываемая ксенофобия были и остаются проблемами российской национальной политики, во многом питаемой невнятной до недавнего времени миграционной политикой. Но здесь уместно вновь перейти к западному миру, поскольку именно в этом мире возникли и активно обсуждаются порождаемые эпохой глобализма такие темы, как «постнациональное государство» и «мультикультурное гражданство», «толерантность» и «политкорректность». Рассматривая коллизии на этой почве, примем во внимание, что в международных правовых документах понятия нации и государства, национальности и гражданства обычно совпадают. Естественнно предположить, что понимание нации преимущественно как политического сообщества должно по определению порождать большую терпимость к культурному разнообразию, чем понимание нации как этнического сообщества. Но это не всегда так. Приверженность к пониманию нации как согражданства не мешает французскому обществу крайне негативно относиться к публичному проявлению культурных (языковых, религиозных, этнических) различий. Запрет на ношение хиджабов — лишь одно из проявлений нетерпимости общества к демонстрации, сохраняющихся в данном случае у мусульман, этнических привязанностей. От иммигрантов ожидают отказа от всех лояльностей, кроме лояльности Республике. «Быть французом — значит быть гражданином (неважно при этом, из какой страны вы были). Но справедливо и обратное: быть гражданином, то есть полноправным членом политического сообщества, — значит быть французом, то есть ставить ценности французской культуры выше всех других ценностей», — пишет В. С. Малахов. На практике это означает колоссальное ассимиляционное давление на мигрантов и их потомков. Постоянное пополнение населения развитых западных государств за счет приезжих, носителей языка, традиций, нравственных и религиозных норм, отличных от норм коренного (или основного) населения, ставшее закономерным процессом глобализации, создает новый климат в межэтнических отношениях. Суть дела в том, что чем дальше,

тем меньше у приезжего населения, самих работников и растущего числа членов их семей желания осваивать чужие культурные нормы и адаптироваться к новой среде. Возникает несчетное количество замкнутых чайна-таунов, «островков» или даже целых регионов, в которых приезжие довольствуются своим языком, атрибутами повседневного быта, не нуждаясь в специальных усилиях по адаптации к местным обычаям. К тому же участились случаи, например, в Германии, громких преступлений, жертвами которых оказываются местные представительницы слабого пола. Все это вызывает острое чувство недовольства со стороны местного населения, которое все сильнее осознает, что оно уже не является хозяином в своей стране. «В Риме веди себя как римлянин» — это мудрое правило, увы, далеко не всегда соблюдают мигранты. Вот что пишет по этому поводу Тило Саррацин, автор нашумевшей книги «Германия: Самоликвидация»: «Если уж происходит иммиграция, то мигранты должны либо соответствовать этому профилю, либо приспособливаться к нему в среде интеграции. Я хотел бы, чтобы и мои правнуки через 100 лет все еще могли жить в Германии, если они этого захотят. Я не хотел бы, чтобы страна моих внуков и правнуков была преимущественно мусульманской, чтобы в ней повсюду говорили по-турецки и по-арабски, носили головные платки, а ритм дня определялся призывами муэдзина». Нельзя не видеть, что в массовом сознании и в мышлении многих представителей европейских элит, для которых понятие «национальное государство» отнюдь не перестало быть некой сакральной ценностью, уже вполне сложилось отношение к миграции как к «неизбежному злу». Но если ежегодный приток мигрантов достигает сотен тысяч человек (а правящие круги сохраняют заинтересованность в дешевой рабочей силе), то неизбежно создаются предпосылки для конфликтов. Поэтому, осознавая тщетность курса на ассимиляцию приезжих, западные социологи и этнополитологи выдвинули идею мультикультурализма. Это — особая форма либеральной идеологии, смысл которой интеграция этнических групп в единое сообщество, в котором за каждой группой сохраняется право на самобытное развитие при отсутствии господствующей или привилегированной культуры в масштабах данного общества. Примечательно, что правящие круги США демонстративно отказались от прежнего курса на соединение социального и расового гнета в отношении чернокожих и провозгласили курс на «утвердительные действия» (affirmative action) или «позитивную дискриминацию». Сегодня представители расовых и национальных меньшинств при поступлении в вузы и занятии престижных должностей пользуются определенными льготами. Нередко это вызывает недовольство лишившегося таких привилегий белого населения. Но система прижилась, хотя, вопреки расчетам властей, она не привела к интеграции ранее дискриминируемых групп населения. Легко понять, что чернокожие (ныне они именуются афроамериканцами) и представители других нацменьшинств ныне старательно фиксируют свою расовую принадлежность в соответствующих документах, содействуя тем самым узаконению сегрегации, то есть системе обособления. Но теперь уже добровольной.

Отказаться от новой системы правящие круги в США не смогли, а испытанные элементы новой модели этнополитики вошли в теорию и практику мультикультурализма, распространившейся как в европейских, так и в других развитых государствах. Примечательный факт. Западные идеологи применяют всевозможные меры для этнизации социальной политики, социально-классовых отношений, социальных различий, определяющих структуру западных обществ, преподнося все это в расовых и этнических терминах. А это закрепляет дискриминацию, которую нередко ощущают уже не только слои, которые ранее пользовались определенными преимуществами. Так или иначе, иерархия сохраняется, предпосылки для конфликтов никуда не делись, а противоречия, которые имеют социально-классовую природу, предстают как межэтнические, межнациональные и практически нерешаемые. Эти и другие обстоятельства, среди которых сегодня бросается в глаза решительное несогласие коренного населения с доведенной до абсолюта толерантностью и политкорректностью в отношении мигрантов, подорвало рейтинг, казалось бы, справедливой и гуманной мультикультурной модели этнополитики, что вынуждены были признать лидеры ряда государств, но выдвинуть что-то более приемлемое Запад не в состоянии, так что кризис в межэтнических отношениях не только не ослабевает, но, наоборот, нарастает. Жизнь показала, что реальных социальных и экономических шансов у мигрантов на порядок меньше, чем у местных жителей, и если государство на деле заинтересовано в иммиграции, то оно должно обеспечить фактическое равенство возможностей. Иначе неизбежна маргинализация и гетоизация мигрантов. Подводя краткие итоги проблем глобализации и национального государства, зададимся вопросом: «А какова перспектива проблем мигрантов в России?» Ведь при ее пространствах обойтись своими силами не удастся. Рассматривая этот вопрос, отечественный демограф А. Вишневецкий напоминает, что, согласно мировым прогнозам, Россия в 2050 году отодвинется на восемнадцатое место по количеству населения. В 1950 г. Россия была четвертой после Китая, Индии и США (СССР был впереди США). Первый вариант, считает ученый, согласиться с этим и не принимать мигрантов. Второй вариант — принимать мигрантов столько, сколько нужно, чтобы не сокращалась численность работоспособного населения и населения страны в целом. Но тогда к концу века, заключает автор, численность иммигрантов и их потомков превысит численность автохтонного населения и его потомства. «Это будет другая Россия. Это — дело политиков» [4]. Так ученые оценивали ситуацию в начале века. Появились ли в науке более оптимистические прогнозы? Или свое веское слово скажут политики?